

ВВЕДЕНИЕ

Всем известен ответ на вопрос «Was ist Aufklärung?», данный Кантом в 1784 г.: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннoлетия, в котором он находится по собственной вине». Между тем, на протяжении XIX и большей части XX столетия Просвещение рассматривалось как относительно однородный идейный блок, как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно увязывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта, – а затем распространилось и на так называемую «периферию» Просвещения – идеи и деятельность их последователей в Италии, Испании, Португалии, Польше, России, на Балканах... Такое восприятие было во многом связано с традиционным взглядом на Просвещение сквозь призму Французской революции. Оно родилось еще в годы самой Французской революции, нуждавшейся в идеологическом обосновании, и закрепилось в XIX в., для которого эта революция стала важнейшей точкой отсчета.

Этот подход получил новый мощный импульс в XX в., поразившем мир новыми, невиданными по масштабу революциями, диктатурами и мировыми войнами. Независимо от того, поднималось ли Просвещение на щит как «философская революция» (Эрнст Кассирер), космополитическое идейно-политическое движение, возглавлявшееся интеллектуалами-реформаторами (Франко Вентури), или же осуждалось за распространение утопической тоталитарной идеологии (Макс Хокхаймер, Теодор Адорно, Райнхарт Козеллек), рассматривалось ли оно как набор светских, гуманистических и «либеральных» принципов (Питер Гей) или как арсенал конкретных инструментов, применявшихся для демонтажа Старого порядка и строительства нового, лучшего мира (Роберт

Дарнтон), постоянное соотнесение Просвещения с Революцией и ее последствиями неизбежно приводило к упрощению – в нем искали и находили черты, либо роднящие его с эпохой великих социальных потрясений, либо свидетельствующие о принципиальных различиях между ними. Еще в начале 1990-х годов Рудольф Фирхаус призывал к преодолению этого логического противоречия, подчеркивая, что существование неоспоримой связи между Просвещением и Революцией еще не означает, что Революция стала его порождением¹.

Так или иначе, в последней трети XX в. с развитием социальной истории, а затем «новой культурной истории» ситуация стала меняться. Все чаще Просвещение стало рассматриваться как особая культурная эпоха, как самостоятельный культурный объект, как «исторический мир», который необходимо исследовать и реконструировать. Пришло осознание реальной сложности этого мира, необходимости изучения не только его идей и ценностей, но и его языка, символов, визуальных образов и репрезентаций, его практик (воспитания и образования, путешествий, чтения, коллекционирования, религиозной жизни, форм общения и пр.), его сетевой структуры. Взгляд на Просвещение как на культурный феномен, действие которого ограничивалось европейскими странами и сферой их влияния, обогатился за последнее десятилетие представлением о его глобальном «измерении»².

Однако появление новых подходов отнюдь не привело к устранению идеологических споров. Концептуальная схема «Просвещение – матрица модерна», получившая широкое распространение во второй половине XX в. благодаря Питеру Гею и его последователям³, продолжала активно использоваться для обоснования важности изучения Просвещения, а ее критики соответственно пытались доказать обратное. Реакцией на это положение вещей стало появление работ Джонатана Израэля: он задал

¹ *Vierhaus R.* Fortschrittsidee, Fortschrittsskepsis, Fortschrittskritik: Das Erbe der Aufklärung // Das Andere Wahrnehmen: Beiträge zur europäischen Geschichte: August Nitsche zum 65. Geburtstag gewidmet / Hrsg. von M. Kintzinger, W. Stürner und J. Zahlten. Köln; Weimar; Wien, 1991. S. 533–545. См. также английскую версию этой статьи: *Progress: Ideas, Skepticism, and Critique – The Heritage of the Enlightenment // What is Enlightenment? Eighteenth-Century Answers and Twentieth-Century Questions / Ed. by J. Schmidt.* Berkeley; Los Angeles; London, 1996. P. 330–341.

² *L'Iluminismo: Dizionario storico / A cura di V. Ferrone e D. Roche.* Roma; Bari, 1997 (см. также переводы: *Diccionario histórico de la Ilustración / Eds. V. Ferrone y D. Roche.* Madrid, 1998; *Le monde des Lumières / Sous la direction de V. Ferrone et D. Roche.* Paris, 1999; *Мир Просвещения Исторический словарь / под ред. В. Ферроне и Д. Роша.* М., 2003); *The Global Eighteenth Century / Ed. by F.A. Nussbaum.* Baltimore; London, 2005; *The Enlightenment world / Ed. by M. Fitzpatrick, P. Jones, C. Knellwolf and I. McCalman.* London, New York, 2007; *Мир в XVIII веке / отв. ред. С.Я. Карп.* М., 2013 (Всемирная история; Т. IV).

³ См.: *Dietle R.L., Micale M.S.* Peter Gay: A life in history // *Enlightenment, passion, modernity: Historical essays in European thought and culture / Ed. by M.S. Micale and R.L. Dietle.* Stanford, CA, 2000. P. 1–23.

ся целью защитить так называемые «идеалы Просвещения» от постмодернистской критики, а также очистить историографию Просвещения от искажений, вызванных стремлением отдельных историков всячески подчеркивать неоднородность Просвещения и многообразие или несоответствие его вариантов в различных локальных (национальных) контекстах. Для решения этой задачи он выдвинул концепцию «радикального Просвещения» – протореволюционной / революционной идеологии: она должна была закрепить представление о всемирно-исторической роли Просвещения как основы современной демократической политической культуры⁴, но подняла новую волну критики и породила ожесточенную дискуссию. Простое обращение к базе JSTOR выдает десятки критических отзывов на его концепцию. См., например, рецензию Т. Мунка и ответ Дж. Израэля: *Munck T. The Enlightenment as modernity: Jonathan Israel's interpretation across two decades // Reviews in History. 2016. N2039* (<<http://www.history.ac.uk/reviews/review/2039>>, обращение 30 марта 2018 г.). См. также *Dijn A. de. The Politics of Enlightenment: from Peter Gay to Jonathan Israel // The Historical Journal. 2012. Vol. 55, N3. P. 785–805*; *Les «Lumières radicales» et le politique: études critiques sur les travaux de Jonathan Israel / Sous la direction de M. García-Alonso. Paris, 2017.*

Распространение различных, зачастую противоречащих друг другу интерпретаций Просвещения, разных подходов к нему, вызвало потребность в их комплексном осмыслении, а значит и в уточнении перспектив изучения самого Просвещения. Об этом говорилось и на прошедшем в 2015 г. в Роттердаме XIV Всемирном конгрессе Международного общества по изучению XVIII века, и на Global Enlightenment Conference, состоявшейся в апреле 2017 г. в Принстоне.

Эту же цель преследовали организаторы международной конференции «Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос», проходившей 26–28 июня 2017 г. в Москве, в музее-усадьбе Кусково⁵. В очередной, шестой выпуск сборника *Век Просвещения* вошли статьи, выросшие из прозвучавших на ней концептуальных докладов, и другие материалы, демонстрирующие возможности современных методов ис-

⁴ *Israel J. Radical Enlightenment: philosophy and the making of modernity, 1650–1750. Oxford; New York, 2001; Idem. Enlightenment contested: philosophy, modernity and the emancipation of man, 1670–1752. Oxford, 2006; Idem. Democratic Enlightenment: philosophy, revolution and human rights, 1750–1790. New York, 2011; Idem. Revolution of the mind: Radical Enlightenment and the intellectual origins of modern democracy. Princeton, NJ, 2010.*

⁵ Конференция была организована Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики», Институтом всеобщей истории РАН, Германским историческим институтом в Москве, Институтом по изучению Возрождения, Классической эпохи и Просвещения (IRCL – UMR5186 du CNRS / Университет им. Поля Валери – Монпелье III), Центром франко-российских исследований в Москве и Государственным музеем-усадьбой Кусково при поддержке посольств Германии и Италии в Российской Федерации.

следования, а также намечающие пути преодоления узконациональных и «ведомственных» границ в изучении Просвещения. Авторы тома далеки от единомыслия, а темы их работ отличаются значительным разнообразием: общая характеристика Просвещения и его хронологические рамки; Просвещение и трансформация политического языка; практики Просвещения; секуляризация в дискурсе Просвещения; соотношение универсального содержания Просвещения и его локальных вариантов; Просвещение и Революция; «глобальное» Просвещение... Одни авторы знакомят читателей с результатами своих многолетних изысканий, другие – со своими гипотезами, которые еще предстоит проверять и доказывать, но в любом случае мы надеемся, что том дает адекватное представление об актуальной проблематике исследований в нашей области.

С.Я. Карп